

«Спасёт ли российскую школу «новый учитель»?»

Хуже всего, когда детей учат деды; лучше всего – когда старшие братья. – Этот афоризм одного из крупнейших отечественных просветителей второй половины XX в. Сергея Петровича Капицы вряд ли можно оспорить в общем виде. Однако в современной российской образовательно-политической ситуации он, как минимум, может быть подвергнут сомнению. Именно это случилось во второй день пленарного заседания Пятой международной научно-практической конференции «Тенденции развития образования: придут ли новые учителя в школу» в учебном центре «Московский» 16 февраля 2008 г. Конференция была организована Центром изучения образовательной политики Московской высшей школы социальных и экономических наук при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Национального фонда подготовки кадров, Программы поддержки высшего образования Института «Открытое общество». В свою очередь остро полемический доклад автора этих строк имел вполне невинное академическое название «Статус педагога: социально-правовые и политико-идеологические аспекты». Позволю себе предложить читателю отредактированный текст этого доклада с короткими комментариями.

«Уважаемые коллеги! Предполагаю, что реакция в этом зале на моё выступление будет примерно такой же (не сочтите это признаком мании величия), как реакция зарубежного политического сообщества на известную Мюнхенскую речь Президента В. Путина. Судя по публикациям, многие иностранные политологи реагировали на неё примерно следующим образом: мы всё это знаем, но зачем же так прямо и на весь мир? В дипломатии так не принято...»

Вот и я, нарушая правила респектабельности и новой “политкорректности”, намерен публично назвать своими именами некоторые кадровые проблемы отечественного образования, разрешение которых должна была бы обеспечить образовательная и не только образовательная политика.

Начну с парадоксального утверждения. С правовой и образовательно-политической точек зрения ответ на вопрос о том, придёт ли новый учитель в школу, достаточно очевиден: придёт, однако среднестатистически будет хуже старого, а дети и школа от этого проиграют. Таков наиболее вероятный сценарий развития ситуации, по крайней мере, на среднесрочную перспективу. Позволю себе проаргументировать это утверждение.

Приведу результаты опроса, проведённого Левада-центром. Ответы на вопрос социологов “Сейчас в школе детей учат лучше, чем в то время, когда Вы сами учились в школе?” распределились следующим образом:

Сейчас учат лучше: 2000 г. – 23%, 2006 г. – 18%.

Сейчас учат хуже: 2000 г. – 33%, 2006 г. – 43%.

Одновременно на вопрос “Удовлетворены ли Вы нынешней системой образования в России?” 48% ответили “определённо нет” или “скорее нет”¹.

Разумеется, можно списать эти результаты на то, что люди всегда идеализируют собственную юность. Однако, думаю, в данном случае глас народа – это “глас Божий”, и общую ситуацию с подготовкой учителей он вполне отражает.

На мой взгляд, на макроуровне качество работы учителя определяется четырьмя основными группами факторов:

1) социальный статус педагога;

2) уровень политической свободы в обществе и, как следствие, – академической свободы в образовании;

3) культурно-идеологическая ситуация в стране;

¹ www.levada.ru/education.html

4) идеология образовательной политики как ключевого (одного из ключевых) направления внутренней политики государства.

1. Ещё раз о статусе педагога

Следует признать: в отдельных регионах (например, в Москве) спустя почти 20 лет после начала “эпохи реформ” социальное положение учителя более или менее достигло “дореформенного” уровня, за который интеллигенция жёстко критиковала прежнюю власть. В сатирической форме это выражалось афоризмом: в Советском Союзе, чтобы мало получать, надо долго учиться. Однако теперь этот статус воспринимается как высокий по сравнению с абсолютным большинством регионов страны, где крайняя бедность учителя предопределяет негативную селекцию (отрицательный отбор) педагогических кадров. Общеизвестно: в таких условиях в школе остаются либо энтузиасты, либо те, кто не может устроиться на другую работу. При этом число первых стремительно сокращается.

Аргументацию хотел бы начать с двух частных фактов из повседневной жизни. Мой товарищ – лауреат Всероссийского конкурса “Учитель года”, продолжающий работать в сельской школе, недавно рассказал, что в декабре 2007 г. его зарплата составила 3 700 рублей. Для иностранных участников конференции объясняю: это 100 евро. За тот же месяц мой близкий друг – руководитель сельской школы – в качестве директорской и учительской зарплаты получил в общей сложности 6 400 рублей. Из них 2 000 были изъяты в виде штрафа то ли СЭС, то ли пожарниками, которые имеют собственный финансовый план, легче всего реализуемый при проверке школ. Не буду повторять, что государство в очередной раз наказало директора не за его, а за свои грехи (недофинансирование школы). Отмечу лишь, что оба примера, относящиеся к Омской области, говорят о реальном статусе педагога много больше, чем официальная статистика, превосходящая, как известно, наглую ложь».

Поскольку авторский анализ т.н. роста зарплаты учителя в ретроспективе и перспективе был уже представлен читателям «Народного образования»², прерву изложение собственной речи и дополню её информацией из доклада на той же конференции М. Аграновича, который до 2005 г. включительно регулярно выполнял мониторинг процессов в отечественном образовании по заказу Мирового банка и Национального Фонда подготовки кадров.

Согласно данным М. Аграновича, в международных компаративистских исследованиях образования используется такой специальный показатель статуса педагога, как отношение средней заработной платы в образовании к среднему размеру валового внутреннего продукта на душу населения. С качественной точки зрения это некоторый аналог отечественного показателя отношения средней заработной платы в образовании к средней по стране, хотя количественно это отношение выглядит иначе.

В индустриально развитых странах названное М. Аграновичем отношение составляет 1,37. В развивающихся – 2,66 (здесь на фоне массовой нищеты педагог выглядит человеком сравнительно обеспеченным). В России этот показатель – 0,64. Иначе говоря, страна «развивающегося рынка» и невиданного бюджетного профицита, по средним доходам населения далеко отстающая от Европы и Северной Америки, многократно ниже их и по относительному уровню зарплаты педагогов.

По заявлению заместителя Председателя Правительства А. Жукова на пленарном заседании Госдумы 20 декабря 2006 г., в этот период средняя зарплата в образовании составляла 57% от её среднего уровня в обрабатывающих производствах. М. Агранович отметил рост этого соотношения в последние годы до 64%, однако уточнил: с тех пор, как

² См.: Народное образование. – 2007. – № 5.

статистика позволила выделить в качестве отдельного показателя заработную плату учителя, отношение этой зарплаты к средней по экономике неуклонно падает.

С учётом сказанного есть все основания прогнозировать нарастание негативной кадровой селекции в области образования. Однако продолжу собственную речь.

2. Политическая и академическая свобода

Как известно, уровень этой свободы прямо сказывается на качестве работы учителя: заниматься творчеством по принуждению или со страхом сложно в любые времена, а в XXI веке сложно вдвойне.

Между тем, согласно данным организации “Репортёры без границ”, в последние годы место России в рейтингах свободы информации выглядит следующим образом:

2002 г. – 122 место из 156 стран;

2003 г. – 121 место из 139 стран (рядом с Пакистаном, Ираном и Зимбабве);

2004 г. – 140 место из 167 стран (между Мавританией, Украиной и Конго – теперь Украина далеко впереди);

2005 г. – 138 место из 167 стран (между Ираком и Филиппинами);

2006 г. – 147 место из 168 стран (между Сингапуром и Тунисом);

2007 г. – 144 место из 169 стран (рядом с Афганистаном, Йеменом, Тунисом и Руандой)³.

Как известно, согласно рейтингу Freedom House, Россия переведена из частично свободных стран в несвободные, а, согласно другому исследованию, по уровню экономической свободы заняла 120 место в мире.

Разумеется, можно спорить о том, насколько подобные рейтинги выдерживают научную критику. Ещё проще заявить: пусть клеветают! Однако любой объективный наблюдатель не может не признать: пространство политической свободы в стране и академической свободы в образовании всё более и более сокращается; а значит, с качественной точки зрения, приведённые рейтинги отражают реальную ситуацию.

Особенно наглядно это свёртывание политической свободы проявляется в период избирательных кампаний, в которых мне доводилось участвовать, включая избирательные кампании в регионах в марте и выборы в Госдуму в декабре 2007 г. Неоднократно сталкивался со следующей ситуацией. Педагоги обращаются к депутату Госдумы и заместителю Председателя профильного Комитета за помощью, причём, как правило, не по чисто политическому вопросу, но по вопросу о закрытии школы, увольнении неугодного учителя и т.п. Спрашиваешь, что сами они готовы сделать для защиты своих интересов? И слышишь в ответ: мы боимся. В марте 2007 г. такая ситуация наблюдалась, например, в сёлах Омской области. В декабре того же года – уже и в крупных городах.

Не случайно с телеэкрана в период избирательных кампаний не раз вспоминал известный афоризм из фильма “Щит и меч”:

– Какой самый страшный зверь сидит в человеке?

– По-моему, заяц...

Прибавлю к этому, что в образовании резко умножились все бюрократические процедуры, включая бумагооборот. По оценкам моего друга – уже упоминавшегося директора сельской школы, по сравнению с советскими временами он вырос на два порядка. Разумеется, с количественной точки зрения это большое преувеличение, однако качественно ситуацию оно отражает правильно.

Как известно, в последнее время предпринимаются также попытки ограничить политическую свободу в образовании путём введения некоей новой официальной идеологии. На мой взгляд, эта идеология более чем сомнительна с точки зрения не только

³ www.rsf.org

её ценностной составляющей, но и уровня научного обоснования. Чего стоит, например, заявление в нашумевшем пособии господина Л.В. Полякова о том, что суверенная демократия – это идеальная форма политического устройства⁴. Ведь каждый человек, который, получая высшее образование, не утратил среднего, наверняка знает, что идеальных форм политического устройства просто не бывает. Напомню: даже советский марксизм (порою весьма далёкий от марксизма настоящего) даже будущее коммунистическое общество рассматривал не в качестве идеальной формы общественного устройства, но лишь как начало подлинной истории человечества. В этом смысле новая, извините за выражение, наука своё собственное прошлое уже пережегала!

Короче: на мой взгляд, хороший учитель неминуемо должен быть гражданином, а ограничения политической и академической свободы этому, безусловно, препятствуют. Вспоминая известный вопрос о различии между гражданином-учителем и учителем-гражданином, приходится констатировать: современная политическая и образовательно-политическая ситуация формирует первого и вытесняет из школы второго.

3. Культурно-идеологическая ситуация в обществе

Совершенно очевидно: одним из важнейших факторов высокого качества образовательных результатов вообще и успешности педагогической работы, в особенности, является высокое место в культуре и, прежде всего, в образовании т.н. постматериальных (духовных) ценностей. Между тем, согласно сравнительным социологическим опросам, Россия, традиционно входившая в группу лидеров по этому показателю, ныне существенно отстала от развитых социальных государств: число людей, ориентирующихся на подобные ценности, в нашей стране в последние годы оказывается примерно вдвое меньшим.

В своё время Николай Бердяев заметил: настоящая буржуазность в России возможна только после коммунизма⁵. Увы, эта фраза оказалась пророческой. Как известно, развитие общества вообще имеет циклический характер, а в революционных и постреволюционных исторических ситуациях (какую мы сейчас переживаем) подчиняется “закону маятника”. В соответствии с этим законом, Россия и достигла рекордных для своей истории пределов атомизации общества и примитивного потребительства. Причём получила проблемы потребительского общества в отсутствие высокого уровня потребления, т.е. не имея самого потребительского общества!

В этой связи наибольший практический интерес представляет идеология “партии власти”. Разумеется, не в лице “Единой России”, сформированной сверху и не имеющей собственных ясно очерченных политических представлений, но в лице администрации Президента и отчасти правительства, сформировавших “Единую Россию” и разработавших для неё идеологию. Если судить не по декларациям, но по практическим действиям, главной особенностью этой идеологии является синкретическое сочетание радикального либерализма (неоконсерватизма) в экономике с авторитаризмом в политике и внешними атрибутами православия в духовной сфере.

Такое сочетание несочетаемого не только крайне противоречиво, но и вредно с политико-образовательной точки зрения. Крайне противоречиво, ибо в православной традиции, пронизавшей отечественную культуру, очень сильна ориентация на социальную справедливость, общинность (социальную солидарность) и неутилитарные (постматериальные) ценности. Напротив, праволиберальный рыночный фетишизм

⁴ Обществознание. Глобальный мир в XXI веке. Книга для учителя. Под ред. Л.В. Полякова. М.: Просвещение. – С. 344

⁵ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. – С. 119-120.

*ориентирован на формирование не только “дикого” капитализма, но и модели личности в духе “одинокого волка”. Не случайно даже в праволиберальном “Московском комсомольце” студенты ещё более праволиберальной Высшей школы экономики именовались не иначе, как “молодые людоеды”!*⁶

Переплетение “трёх составных частей” новой социальной идеологии способно принести вред не только образованию, но и самому православию. В частности, деформируется система православных ценностей и её возможная социокультурная роль: новая экономическая и политическая элита стремится превратить православие в феномен “массовой культуры”, позволяющий ей “грешить и каяться” – сохранять перед обществом благообразное лицо, по-прежнему с лёгкостью нарушая все 10 заповедей и большую часть действующих законов практическими делами в “рыночной экономике” и политической жизни. В итоге рост числа людей, относящих себя к православным, принципиально не меняет идеологической ситуации в обществе. Более того, налицо следующий парадокс: чем больше в стране приверженцев православной религии, тем меньше приверженцев православной культуры в смысле характерной для неё неутилитарной, непрагматической жизненной ориентации. И это, разумеется, в полной мере относится к педагогическим кадрам.

4. Идеология образовательной политики

Совершенно очевидно: качество работы учителя и вообще “модель педагога”, на которую ориентировано образование, во многом зависит от того, какого человека государство хочет получить “на выходе” этой системы. И если прежде различные нормативно-правовые документы и официальные высказывания федеральных руководителей образования содержали по этому поводу разные установки, то в последнее время ситуация, кажется, прояснилась».

Первую ещё раз собственный доклад для того, чтобы вкратце вернуться к предыдущей истории вопроса.

Заслуживает специального анализа эволюция представлений о «продукте» системы образования, о желаемом образе работника, гражданина и личности, который представлен в различных федеральных нормативно-правовых актах за последние 15 лет. Ввиду ограниченности объёма работы сопоставим соответствующие положения двух таких актов: первой редакции Закона РФ «Об образовании» (июль 1992 г.) и «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» (Распоряжение Правительства РФ № 1756-р от 29.12.2001).

Закон РФ «Об образовании» (1992 г.) определил последнее как «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства...» (Преамбула), поставив в этом определении воспитание на первое место. При этом законодатель акцентировал гуманистический характер образования, воспитание «гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье» (ст. 2).

Соответственно, в качестве целей образовательного (следовательно, в первую очередь, воспитательного) процесса Закон определил:

- ориентацию «на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации» (ст. 14);

- «формирование человека-гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на его совершенствование» (Там же).

При этом, по мнению законодателя, «содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами,

⁶ Московский комсомолец. – 2001. – № 268. – 30 ноября

различными расовыми, национальными, этническими, религиозными и социальными группами» (Там же).

Оценивая спустя 15 лет приведённые положения Закона, следует отметить, что они повторяют идеи современной гуманистической педагогики, свободного воспитания, демонстрируя знакомство с ними законодателя.

Воспроизводя эти идеи, большинство последующих документов предлагают педагогам и менеджерам образования:

- исходить из интересов человека, общества и государства, ставя человека в этой триаде на первое место;
- учитывать потребности (запросы) и возможности личности в образовательном процессе;
- создавать условия для её самореализации.

Несмотря на некоторые очевидные слабости (например, упоминание о любви к Родине почти вскользь, между природой и семьёй), определение целей воспитания в базовом Законе остаётся в целом удовлетворительным и, пожалуй, ему следует отдать предпочтение перед рядом последующих документов.

Большинство принятых нормативно-правовых актов исходят из необходимости подготовки обучающегося к жизни в современном обществе. Однако представления об этом современном обществе за десятилетия существенно изменились, вследствие чего трансформировались и взгляды на «продукт» системы образования – на жизненные установки выпускника. Из всей совокупности личностных характеристик, названных в Законе 1992 г., в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» остались лишь гражданская ответственность, правовое сознание и ответственность за судьбу страны. Помимо этого, согласно «Концепции...», выпускники школы должны обладать духовностью и нравственностью, инициативностью и предприимчивостью, самостоятельностью и ответственностью, толерантностью и мобильностью, способностью к адаптации и сотрудничеству, динамизмом и конструктивностью.

Если опустить детали (например, различия динамизма и мобильности в этом перечне не очевидны), эволюция желаемого портрета выпускника примечательна, по меньшей мере, в трёх отношениях.

Во-первых, в первой редакции Закона «Об образовании» любовь к Родине не акцентировалась, но всё же присутствовала. В «Концепции модернизации» в данном контексте она не значится вовсе. Поскольку массовое сознание и сознание политических элит с конца 1990-х годов и до сентября 2001 г. эволюционировало в противоположную сторону (т.е. к патриотическим ценностям), это можно объяснить лишь преобладанием либеральных «западников» среди разработчиков данного раздела «Концепции».

Вообще, здоровый патриотизм – это естественная реакция гражданина на заботу о нем государства и, напротив, проявления национализма и ксенофобии в России («бритоголовые», «Русское национальное единство» и т.п.) есть во многом уродливая реакция на отсутствие в государственной политике здорового патриотизма.

Во-вторых, при общем акценте индивидуальной свободы и самореализации личности, Закон охватывал, преимущественно, ту часть либеральных ценностей, которые приобрели общецивилизационный характер, сочетая их с ценностями социальными, тогда как «Концепция» – именно рыночную часть того же «джентльменского набора» (предприимчивость, мобильность, динамизм и т.п.).

В-третьих, «дуэт» духовности и нравственности в данном контексте может рассматриваться как «дань» православию. Тем самым подтверждается высказанная ранее идея о попытке противоречивого синтеза либерально-рыночной и религиозно-почвеннической ориентаций, приводящего либо к «ножницам» между «официальным» и «оперативным» кодами морали, либо к превращению православия в чисто ритуальную форму поведения.

Однако пора вернуться к тексту доклада.

«Вот что сообщает, например, “Литературная газета” от 8 августа 2007 г.: “Выступая на конференции, прошедшей в рамках организованного движением “Наши” всероссийского молодёжного форума “Селигер-2007”, министр образования Андрей Фурсенко посетовал на оставшуюся с советских времён косную систему в своём ведомстве, упорно пытающуюся готовить человека-творца. Ныне же, по мнению министра, главное – взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими”. Разумеется, после этого немногие газеты, сохранившие относительную независимость, пытались вопрошать власть о том, где же “новая Россия” намерена брать творцов? Ведь до настоящего времени она “мозги” почти исключительно экспортирует! Однако, как и следовало ожидать, ответов на подобные вопросы не последовало.

Как представляется, в постсоветский период мы наблюдаем стремительное исчезновение общественной группы, которая в предыдущие эпохи, начиная с середины XIX в., именовалась российской интеллигенцией.

Разумеется, речь идёт не о социологическом значении этого термина, в своё время выраженном определением М. Руткевича: интеллигенция – большая социальная группа людей, занятых преимущественно высококвалифицированным умственным трудом, требующим, как правило, высшего или среднего профессионального образования.

Напротив, имеется в виду его культурологическое значение, нередко сопровождаемое в иностранных энциклопедиях пометкой “русское”. Оставляя в стороне продолжающиеся по этому поводу дискуссии, приведу характеристику этого культурного феномена, в своё время услышанную мною от незаурядного омского литературоведа М. Яковлевой: интеллигенция начинается там, где образованные люди начинают думать о народе.

Можно спорить о том, когда возникла российская интеллигенция в таком понимании. Однако очевидно: она пережила царей и генеральных секретарей, но стремительно умирает при президентах. Умирает именно потому, что в постсоветское время в стране наступила предсказанная Н. Бердяевым настоящая (т.е. примитивная, без романтических или социалистических примесей) буржуазность.

Между прочим, это зафиксировано и социологами. Так, данные кросс-культурных исследований в 40 странах мира свидетельствуют о том, что в последние десятилетия постматериальные ценности приобретают глобальное измерение. Однако они по-прежнему остаются на низком уровне в странах Южной Азии, экваториальной Африки, бывших социалистических государствах, включая Россию (11% опрошенных)⁷.

Понятно, что одной из ключевых инкарнаций российского интеллигента, наряду с литератором и деятелем культуры вообще, была фигура учителя. Понятно, что стремительное исчезновение российской интеллигенции как культурного феномена не может не сказаться на ситуации в образовании, причём в сторону явного понижения его духовной составляющей. Понятно, что одним из главных специфических проявлений изменения этой ситуации выступает следующая “переоценка ценностей”: педагогический труд интерпретируется не как служение, но как услуга, наряду с трудом водителя или продавца. Соответственно позиционированию педагога изменяется и отношение к нему студента или старшеклассника: ведь тот, кто оказывает услуги, должен именоваться обслуживающим персоналом или просто “обслугой”. Впрочем, это тема для отдельной дискуссии.

5. Некоторые итоги

⁷ Дилигенский Г.Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. - № 7. – С. 8

Как известно, в современном обществе главными целями системы образования служит формирование:

- квалифицированного работника (по преимуществу эта задача решается образованием профессиональным);
- гражданина страны (что не вполне тождественно гражданину государства);
- многосторонне развитой целостной личности.

В этом смысле установка на формирование “квалифицированного потребителя” представляет собой “инновацию” в философии образования и образовательной политике, мягко говоря, вызывающую удивление. Очевидно: квалифицированный потребитель – далеко не то же самое, что квалифицированный работник. При такой установке кадровое сопровождение амбициозной программы-2020 представляется крайне сомнительным. Что же касается гражданина и многосторонней личности, то “новая” модель выпускника, что называется, и рядом не лежала.

Политико-идеологический конформизм, который в последние годы демонстрирует общество, включая руководящую часть образовательного сообщества, экономически ориентированных интеллектуалов и деятелей поп-культуры, гражданина с самостоятельной позицией, разумеется, не формирует. И, наконец, прагматическое отношение к образованию и культуре понижает её общий уровень и до предела “истончает” слой людей, ориентированных на культурные ценности высокого порядка. Что же касается собственно уровня образования, то, согласно предпоследнему Докладу о развитии человека, Россия по этому показателю занимала 15-е место в мире⁸, а, согласно последнему Докладу – 26-е⁹.

Оставим в стороне любимый вопрос российской интеллигенции “кто виноват” ввиду очевидности ответа. Среди виноватых, безусловно, окажется сама российская интеллигенция, во многом подготовившая не только первую, но и так называемую вторую русскую революцию, которая в итоге приводит к ликвидации интеллигенции как “класса”, точнее как особой социокультурной группы. Попробуем лучше предложить ответ на другой вопрос: что делать?

Похоже, пришла пора вспомнить полузабытое изречение К. Маркса из “Тезисов о Фейербахе”: “Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан”¹⁰. Имея в виду последнюю часть этого утверждения, решение интересующей нас проблемы при наличии политической воли представляется вполне возможным.

Таким решением может и должна стать специальная государственная программа “Педагогические кадры”¹¹. Кстати, разработка и утверждение такой программы предусматривались ещё решениями первого “образовательного” Госсовета (29 августа 2001 г.), однако затем были “похоронены” правительством. Ныне об этом власть предпочитает не вспоминать. Назову лишь некоторые необходимые элементы такой программы.

1. Специальная система отбора: отмена единого государственного экзамена при приёме в педагогические вузы либо, как минимум, его дополнение опытом практической работы, доказывающим наличие коммуникативных способностей и стремления работать с детьми. Очевидно: не каждый, кто лучше знает предмет, будет лучшим

⁸ Доклад о развитии человека 2006. М.: Издательство «Весь мир», 2006

⁹ Доклад о развитии человека 2007/2008. М.: Издательство «Весь мир», 2007

¹⁰ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 2

¹¹ Выступая в Госдуме 8 мая 2008 г., экс-президент и кандидат в премьеры В. Путин заявил о подготовке правительством ФЦП «Научно-педагогические кадры» на 2009-2013 гг. Однако содержание программы остаётся неизвестным образовательному сообществу

учителем, а тем более – воспитателем. Талант общения и любви к детям здесь, по меньшей мере, не менее важен.

Другая версия – специальные практики на первых курсах, призванные помочь студенту и преподавателям определить профессиональную пригодность к педагогической работе. В случае выявления такой непригодности или отсутствия мотивации студент переводится в другой вуз или на другой факультет, диплом которого не даёт права работы с детьми.

2. Резкое повышение статуса студента педвуза, в частности, его стипендия должна быть поднята, как минимум, до прожиточного минимума, т.е. более чем в 4 раза. Для сравнения: 20 лет назад от такого минимума она составляла 80%, а сейчас немногим более 20%. Понятно, что тогда студент учился и подрабатывал, а теперь работает и “подучивается”.

3. Специальные программы дополнительного образования в педагогических вузах, финансируемые из бюджета, которые помогли бы самому будущему учителю стать многосторонне развитой личностью. Напомню: по опросам социологов, именно этого ученики требуют от современного учителя, как, впрочем, согласно исследованию М. Рубинштейна, требовали и в 1925 г.¹²

4. Специальные меры поддержки для молодых педагогов, в особенности служебное жильё, которое по прошествии некоторого времени (например, 10 лет работы) можно было бы приватизировать.

5. Ключевая проблема – повышение социального статуса педагога по всем основным параметрам, начиная с заработной платы. Дело в данном случае не в финансовых возможностях (нефтегазовыми деньгами федеральный бюджет переполнен), но в идеологии. В настоящее время эта идеология чисто рыночная, по принципу “затыкания дыр”: зарплату увеличивают лишь в тех ситуациях, когда возникает кадровый дефицит (например, учителям иностранного языка). В остальных же случаях действует известный с грибоедовских времён принцип: “числом поболее – ценою подешевле”. При этом качество педагога власть не волнует: есть – и ладно. Для решения же кадровой проблемы рыночная идеология должна быть заменена модернизационной: повышенный статус и повышенная ответственность, независимо от спроса и предложения.

б. Принципиальное изменение информационной среды. Для этого необходимы:

- восстановление, наряду с каналом “Культура”, специального образовательного канала;

- стимулирование бюджетными деньгами и налоговыми льготами образовательных программ на всех других теле- и радиоканалах;

- возврат к опыту конца 1980-х гг., когда учителя-новаторы собирали у телеэкранов больше зрителей, чем деятели шоу-бизнеса и т.п.

Программа вполне реалистична. И если бы современная отечественная политическая элита меньше совмещала власть и бизнес, но больше заботилась о государственных интересах, прогноз, сформулированный в начале доклада, был бы опровергнут – к большому моему удовольствию.

Однако в настоящее время никаких признаков государственной политической воли в этом вопросе не наблюдается. А потому наиболее вероятный в среднесрочной перспективе сценарий, повторю, выглядит следующим образом: новый (т.е. более

¹² «Анализируя полученные нами результаты, можно сделать следующие выводы. Самое большое требование современные ученики предъявляют к таким профессиональным качествам учителя, как универсальная образованность, эрудиция, информированность, прогрессивность, способность вести интересные уроки, давать интересные задания». Цит. по: Печерикина Л.Н. Учитель глазами современного школьника // Педагогическая наука и практика: проблемы и перспективы. Сб. науч. статей. Выпуск первый.- Москва: ИОО МОН РФ, 2004. См.: www.teacher-edu.ru/wmc/arts/1107935862

молодой) учитель в школу придёт, но он будет качественно хуже прежнего, а страна и дети от этого проиграют».

* * *

Как и следовало ожидать, этот доклад вызвал молчаливое неприятие у одних участников конференции и публичные возражения – у других. Вопреки моим ожиданиям, дискуссия вращалась не столько вокруг социального статуса, сколько вокруг моральных требований к педагогу, включая его способность любить детей. Так, М. Агранович припомнил известный анекдот об отличиях педагога и педофила (второй, согласно анекдоту, любит детей по-настоящему). А А. Каспржак заявил, что настоящему педагогу положено не любить детей, но любить работать с детьми.

В такой ситуации мне приходится удовольствоваться компанией Януша Корчака с его знаменитой книгой «Как любить детей». Что же, чувствовать себя могиканином грустно. Но и у этого положения есть свои преимущества. По крайней мере, можно повторить вслед за ещё не совсем забытым В. Высоцким:

Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю!..

Смолин О.Н., заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию, председатель общественного движения «Образование – для всех»